Адамс Климент

"Первое путешествие англичан в Россию".

Часть 1

в 1553-м году Описанное Климентом Адамом, другом Чанслера и вторым Капитаном экспедиции, бывшим в Москве, и посвященное Филиппу, Королю Английскому.

Всемилостивейший Государь!

Если всем людям полезно знать состояние царств и нравы народов, то это тем полезнее и нужнее для Государей, коих всеблагое Провидение Божие, возведши на Царский Престол, вручило им с скипетром правления судьбу миллионов людей. Имея сие особенно в виду, я осмеливаюсь ныне, Всемилостивейший Государь, повергнуть к священным стопам Вашего Величества сей малый труд мой, из коего изволите Ваше Величество подробнее и точнее узнать о новом путешествии подданных Ваших Англичан, совершенном ими в Россию. Хотя оно по слуху, может быть, и не без известно Вашему Величеству; но как слух передает одну только сущность происшествия, а не порядок оных: то я и смею ласкаться сладостнейшею надеждою угодить Вашему Величеству, описав сие путешествие со всевозможною подробностию и в том самом порядке, как оно было совершено. Без сомнения, люди гораздо ученнейшие и опытнейшие, нежели я, могли бы описать его, украсив оное всеми приличными цветами красноречия: но, при всей неопытности ума и пера моего, я решился на сие, будучи побужден к тому как приязнию ко мне почтеннейшего Чанслера, повествование коего о сем путешествии часто слушал я с особенным удовольствием, так и случаем изъяснить чрез то пред Вашим Величеством всеподданнейшее желание мое, дабы предприятие, недавно начатое Государем Великим, было с вожделенным успехом кончено Государем Величайшим. Ибо начал это и своею грамотою утвердил блаженные памяти Король Эдуард VI; и все с нетерпением ожидают, чтобы успешно им начатое,

еще успешнее было совершено Вашим Величеством. Ибо сколько может принесть Государству пользы сие сношение, это лучше можно чувствовать Вашему Величеству, нежели изобразить мне посредственным умом моим. Очевидным и неоспоримым доказательством сей пользы может служить то, что западные Индийцы, за несколько пред сим годов открытые, составляют бессмертный памятник предков Ваших, кои, распространив там Христианскую веру, расширив пределы Государства и собрав несметные богатства, стяжали чрез то для потомков своих бессмертную славу и огромные сокровища; и тем оставили после себя доказательства знаменитости своей. Подобно им, и Ваше Величество, продолжив и утвердив навсегда дружественное сношение с Москвитянами, столь полезное и необходимое для подкрепления и возвышения торговли нашей, соорудите себе вечный памятник доблести Вашей.

По каким причинам и кем предпринято было путешествие сие и о плавании к пределам Московским

Когда купцы наши заметили, что цена на товары наши у соседственных народов стала понижаться и сбыт оных сделался крайне труден; ибо что прежде иностранцы покупали у нас, один пред другим весьма охотно и высокою ценою; то теперь, даже к ним привезенное и с большою уступкою в цене отдаваемое, берут очень неохотно, и то редкие; напротив же, цена на иностранные товары сделалась непомерною: в сие время знатнейшие и отличнейшие из Лондонских граждан, горя пламеннейшею любовию к отечеству своему, стали помышлять о том, как бы поправить пришедшую в упадок торговлю свою. Изыскивая разные к тому средства, наконец они остановились на одном. Зная, что Испанцы и Португальцы, открывши Новый Свет, крайне обогатились от жителей оного, решились и они идти тем же путем, дабы найти верное и надежное средство к приведению в лучшее состояние расстроенных торговых оборотов своих; и потому положили снарядить новую морскую экспедицию. Для сего, не приступая ни к каким дальнейшим распоряжениям, предварительно советуются о том с славным Севастианом Каботом, жившим тогда в Лондоне. После долгого и жаркого рассуждения о сем предмете, наконец все согласились снарядить три корабля для проложения Северного пути Ледовитым морем в Китай и Индию, и для

отыскания неизвестных царств и земель. Так как требовалось очень много рассмотреть в сем столь трудном и сомнительном деле: то посему составляют для совещания общество из людей знаменитых и опытных, коим поручают изложить о сем новом предполагаемом путешествии свои мнения, сличить оные и составить из них одно общее, рассмотреть все могущие встретиться в сей экспедиции опасности и придумать к отвращению оных надлежащие меры. Сие избранное общество положило открыть по всему Государству подписку для собрания денег, нужных на построение кораблей. А дабы при сем сборе не обременить иных пожертвованием, не соответствующим достатку их, то для сего оно определило, чтобы всякой акционер, который хочет быть членом сей новооткрывающейся компании, вносил в кассу общества по двадцати пяти фунтов стерлингов. Собрав таким образом до 6000 фунтов стерлингов, общество купило три корабля. Дабы совершенно обезопасить оные со стороны каких-либо несчастий, могущих встретиться в столь дальном и опасном мореплавании от бурь и огромных льдин, корабли сии были все осмотрены и в весьма многих частях снова перестроены. Ничто в сем случае не было упущено, что хотя несколько могло споспешествовать совершенству и крепости сих судов. Материалы для перестройки были употреблены самые лучшие; смотр за работою был весьма строгий; и самые работники не жалели ни сил, ни трудов для того, чтобы оправдать доверие к ним общества и соответствовать желанию оного. У одного из кораблей, для большей безопасности, дно и бока, погруженные в воду, были обиты свинцовыми листами; ибо в некоторых местах Океана появились черви, кои протачивали суда, построенные даже из самого крепкого леса. Оснастивши и вооруживши поправленные корабли, начали рассуждать о самом путешествии. Целию оного избрали восток, а путем, самый кратчайший, северный. Впрочем тогда было вовсе не известно, можно ли оным достигнуть предположенной цели? Запасы для путешествия были заготовлены на осьмнадцать месяцов: и в сем случае было поступлено весьма благоразумно и рассчетливо. Ибо как надлежало плыть среди громад льда, тою частию Океана, где царствует непомерная стужа: то и назначено было шесть месяцев на плавание к востоку, шесть на зимование и шесть на обратный путь. Нагрузив корабли товарами и снабдив оные всякого рода оружием, наконец приступили к избранию начальников для сей экспедиции. Много было желающих занять сии места, но все они были неопытны в столь трудных и сомнительных обстоятельствах, каковые предлежали в сем путешествии. Является Гуго-Виллоби, или Вилибей (Wylibeius), человек отважный,

мужественный, довольно известного происхождения, и усильно просит общество вверить попечению его управление кораблей. Общество, зная расторопность и опытность Вилибея и уважая мужественный вид его (ибо он был высокого роста), и искусство его в военном деле, с удовольствием приняло предложение услуг его компании. Итак, он сделан был Капитаном первого корабля и главным начальником всей экспедиции. Многие так же домогались занять капитанския места и на остальных двух кораблях; но, с согласия всего общества, всем прочим предпочтен был Ричард Чанселер, человек с большими и обширными сведениями, доказавший оные многими опытами своими. И в нем-то одном полагало общество главную надежду исполнения начатого предприятия; более же всех питал оную благородный юноша Генрих Сидней, очень близкий к Королю Эдуарду и весьма любимый им, который по случаю определения Чанселера вторым Капитаном экспедиции, произнес, в похвалу его, пред членами компании краткую, но умную и сильную речь, в коей изложив пользу, могущую произойти от предпринимаемого мореплавания, и описав достоинства Чанслера, рекомендовал его обществу в особенное покровительство оного. По выслушании сей речи, члены общества начали рассуждать и толковать о северном пути к востоку. Для сего призвали двух Татаринов, служивших у Короля по конюшенной части; пришел и переводчик. Стали спрашивать их об отечестве и роде их; но не получили от них никакого ответа; ибо они, как некто остроумно заметил, были способны более к осушению стаканов, чем к замечанию нравов. После многих общих рассуждений, приступили к назначению дня, в который корабли должны были отправиться в путь свой. Ибо многим казалось, что очень довольно прошло уже времени, способного к мореплаванию, и если корабли еще замедлять отправлением, то может быть лед и остановит их в сем путешествии. Итак, все единогласно положили, чтобы как матросы, так и начальники собрались на корабли к 20 числу Маия, и в следующий отлив моря отправились в путь, с помощию Божиею, из Гринвической пристани. Простившись с любезными для сердца их – с женами, детьми, родственниками и друзьями, и те и другие прибыли к своим местам в определенный срок. Пустились в море, во время отлива, они тихо поплыли, по назначению, в Гринвич, буксируя большие корабли легкими судами, какия употребляются для осмотру, кои, под Венецианским флагом идя на веслах, правили в открытое море.

Как только прибыли они к Гринвичу, то придворные оставляют свои места, и в разные стороны расходятся во дворце, чтобы увидеть сию экспедицию; народ стекается на берег, и в весьма большом количестве покрывает оный; Царский Сенат смотрит из окон. Многие восходят на башни, с кораблей раздается гром пушек, поднимаются облака дыму; и раскаты выстрелов вторят цепи высоких гор, долины и леса. Матросы оглашают воздух радостным криком. Одни из них стоят на корме и знаками прощаются с друзьями, другие ходят по палубе, иные висят на веревчатых лестницах, иные на реях; некоторые смотрят с самой вершины мачт. Вообще все это представляло вид какого-то великолепного прощального праздника. Но к довершению сей блистательной церемонии не доставало одного только наилучшего Короля нашего Эдуарда, который за болезнию своею не мог присутствовать на оной, и вскоре после отплытия кораблей скончался; о чем я никогда не могу вспомнить без слез. Достигши Вовика, экспедиция за безветрием остановилась, дожидаясь или морского отлива или попутной погоды, которая, к радости их, вскоре и последовала. Почему они без всякой остановки пришли в Гринвическую пристань, в коей за непогодою принуждены были с большою скукою и потерею времени простоять очень долго. Наконец; дождавшись благоприятной для мореплавания погоды и подняв паруса, отправились в путь, отдав салют отечественной земле своей, которую увидят ли когда-либо, или нет, они совершенно не знали. С грустью все, а некоторые и со слезами, смотрели на берега любезной отчизны своей, представляя себе, на какое сомнительное предприятие отваживаются они, и каким они могут подвергнуться опасностям, вверив судьбу свою непостоянной стихии. Всех более беспокоил Ричарда Чанслера, Капитана корабля Эдуарда Бонавентури, недостаток в съестных припасах и могущий произойти от того голод. Ибо еще в пристани Гарвичской часть припасов найдена сгнившею; а сосуды с вином весьма ненадежными, ибо все они были глиняные и очень легко могли разбиться. Сокрушала его и отеческая любовь его; ибо он оставлял дома двух малолетних сынов, кои должны были остаться сиротами, если бы какой несчастный случай был причиной его смерти. Наконец причиною скорби его была и судьба бедных и несчастных спутников его, благополучие коих тесно соединено было с его собственным благополучием. Тогда, как скорбный и печальный дух Чанслера был возмущаем и тревожим разными беспокойствами и заботами, наконец, по прошествии многого времени, вдали показалась земля и шкиперы стали править к ней суда свои. Приставши к оной, узнают, что это остров Росса

(Rossa), на коем, пробывши несколько дней, они отправляются далее, плывя все к северу. Спустя несколько дней, усматривают они другие острова, называемые Крестными, или Крестом островов (Crux insularum). Когда прошли сии острова, оставив оные за собою и все суда сошлись вместе, тогда Вилибей, главный начальник всей экспедиции, человек благоразумный и опытный в советах, созывает к себе на Корабль, посредством условленных знаков, всех корабельных начальников на совещание для сделания лучшего распоряжения, касательно печальных дел экспедиции. На совете, между прочим, положено было всем кораблям, если бы в случае жестокой бури разбросало оные в разные стороны, собраться в Вардузской пристани у берегов Норвегии, и тем, кои придут в оную прежде, стать на якорь и дожидаться прочих. Несчастное предчувствие Вилибея не обмануло его. В тот же день, около четвертого часа пополудни, вдруг настала столь сильная буря и волнение сделалось так велико, что корабли никак не могли удержать назначенного курса, и с крайнею опасностию были разбросаны по морю в разные стороны. Адмирал приказывает Чанслеру и усильно просит его, чтобы он не выпущал из виду корабля его; и между тем сам, или не хотел, или не мог убавить ходу корабля своего; ибо он шел крайне скоро; отчего корабль Вилибеев, несясь на всех парусах, в несколько часов совершенно пропал из виду. Тоже самое случилось и с третьим кораблем. Бригантина адмиральского корабля, ударившись об корму (оного?) погрузилась в волнах, в виду плывших на Эдуарде. Какая участь постигла несчастливцев, находившихся с Вилибеем и на другом корабле, благополучно с Чанслером возвратившиеся в Англию, ничего не могли сказать. Но угнетает ли их несчастных какая-либо злая судьба, поглотило ли их свирепое море, скитаются ли они в чужой земле, или блуждают в пустынных лесах со зверьми, будучи достойны лучшей участи: наш долг молиться о них Господу, дабы Он, – если живы они, – возвратил их в отечество; а если похищены смертию – упокоил в царствии Небесном (Гаклюй пишет, что корабли сии погибли у берегов Российской Лапландии, в пристани Арцине, где Гуг Вилибей замерз со всеми людьми своими; в 1554 году рыбаки Лапландские нашли его мертвого, сидящего в шалаше за своим журналом. См. Hakluyts navigations, II, 232-236. Тоже самое сказано и в Двинском Летописце. Вот слова оного: «В лето 7063 по зиме прииде весть к Царю от заморския Корелы: нашли де мы на Мурманском море два корабля, стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, а товаров на них много... И Государь указал Наместнику Князю Семену Ивановичу Микулинскому, с Двины

послати в лодьях к тем кораблям, и переписав товар, велел привести на Холмогоры. Князь же Семен послал Выборного Голову Фофана Макарова, да Мих. Косицына, да Анфиловые Посельского да Емельяна Енихова; они же в кораблях товар переписав взяли; и пушки и пищали и снасть, корабельную привезли на Холмогоры. Князь же Семен все запечатал до Государева Указу».). Ричард Чанслер, оставшись один с спутниками своими и скорбя о неизвестной участи прочих кораблей, по утишении бури, направил путь свой в Вардузскую пристань, где, по назначению, и дожидался их. Пробывши здесь семь дней и видя, что он напрасно ждет Вилибея, решился отправиться в дальнейший путь. По чему призвав к себе прочих чиновников корабля из Шотландцев, держит с ними о том совещание. Сии, узнав мысли Капитана своего, под предлогом подать ему благой совет, стараются отвлечь его от продолжения путешествия и представляя в увеличенном виде все могущие встретиться в оном опасности, силятся поколебать твердость его. Но Чанслер, считая непостоянство и легкомыслие самым низким для себя делом, и будучи твердо уверен, что мужественный и храбрый человек ничем столько не наносит себе безчестия и позора, как робостию и малодушием, заставляющими страшиться и избегать опасностей, предстоящих ему на пути подвигов его, – не поколебался речью Шотландцев, не оставил предположенного намерения своего, но решился или исполнить оное, или умереть. Так поступает всегда благородный человек, жертвующий всем для блага отечества своего. Хотя все находившиеся с ним на корабле были крайне обеспокоены и смущены представлением Шотландских спутников своих и неизвестностию пути; но вместе были столько преданы неустрашимому начальнику своему, что единодушно решились идти с ним на все опасности и на самую даже смерть; чем еще более привязали к себе расположение Чанслера и увеличили попечение его об участи их; ибо он, будучи столько сострадателен к ближним, сколько сам в себе мужествен, страшился, чтобы какою-либо ошибкою своею не подвергнуть их опасности. Итак, потеряв всю надежду соединиться здесь с прочими кораблями, он опять пущается в море, снова вверяя ему судьбу свою. Пользуясь благоприятною, безоблачною погодою, наконец путешественники наши, в продолжении нескольких дней, входят в один большой (Двинской) залив имеющий в ширину около ста тысяч шагов. Ставши в оном на якорь, увидели не вдалеке рыболовное судно, к которому Чанслер с немногими из своих и отправился, дабы узнать от рыболовов, какая это земля, какой народ, какие обычаи его. Но сии, будучи изумлены новостию сего обстоятельства (ибо они

досель не видали столь больших кораблей), спешат уплыть от Англичан. Догнав их, Капитан входит в лодку их. Рыболовы, от страха едва переводя дух, падают пред ним на колени и целуют его ноги. Но Чанслер старается разными знаками ободрить и успокоить их; отказывается от разных услуг их, предлагаемых ему, и сам поднимает их. Таковою ласковостию своею он столько в последствии времени расположил их к себе, что они со всею безопасностию возвратившись в жилища свои везде распространяют слух о прибытии нового народа и об особенной ласковости его. Почему отвсюда, куда только могла дойти молва сия, стекаются к Чанслеру жители земли той, добровольно принося ему съестные припасы. От них узнают наши, что земля сия называется Россиею и Московиею, а правит ею и весьма многими другими землями Великий Князь Иван Васильевич (ибо так назывался он). На вопрос Россиян: откуда они, и зачем прибыли к земле их? Чанслер отвечал, что они родом Англичане, посланы в землю их от Короля своего Едуарда VII, от коего есть у них и письма к их Великому Князю; что они ищут дружбы его и хотят вступить с Московитянами в торговые сношения, от коей оба Царства могут получить большие выгоды. С удовольствием выслушав сие, Россияне сказали, что они рады были бы завести с ними торговлю, если бы можно было им, без ведома Великого Князя торговать с иностранцами, и что они охотно донесут ему о том при первом случае. После сего, Чанслер просил начальников той земли (Двинской) проводить его в Москву к Великому Князю: а для большей безопасности его дать ему на корабль заложников! На что начальники сказали ему, что не в их воле состоит то, чем распоряжать может только Великий Князь; а что зависит от них, они готовы исполнить то, заключив речь свою тем, что они проводят его к Великому Князю. Вскоре после сего Москвитяне отправили к Императору своему гонца, с донесением о прибытии к берегам их неизвестного народа, прося у него разрешения на то, как им поступить в сем случае. Между тем дожидаясь прибытия гонца, они под разными предлогами отлагали от одного дня до другого препровождение Чанслера к Великому Князю своему, ссылаясь то на неполучение от прочих начальников согласия на сие, то на свои дела и недосуги, то на разные другия препятствия.

Наконец Чанслер, дабы не проводить времени попусту, стал настоятельно просить их исполнить обещание свое, или он, в противном случае, должен будет немедленно отплыть от них. Московитяне, хотя и доселе не получали

никакого ответа от Великого Князя, опасаясь, чтобы наши в самом деле не уехали от них и тем не лишили их торговых выгод (ибо им крайне хотелось завести с нами торговлю), стали готовиться к отъезду в Москву, и вскоре отправились в оную на санях, кои в большом у них употреблении, так что на них и сами они ездят и все тяжести перевозят, потому что в зимние месяцы мороз бывает у них самой сильный. Продолжительно, трудно и скучно было путешествие сие. Проехавши большую часть пути, наконец встретили путешественники наши гонца, посланного, как сказали мы выше, начальниками (Двинской) земли к Великому Князю, который, не известно как, сбившись с дороги, заехал далеко к востоку в прибрежные места, смежные с Татарами, думая найти там корабль наш. Блуждая довольно долгое время, он едва нашел наших и вручил Чанслеру грамоту от Императора, самую лестную и благоволительную. Ибо весть о прибытии нашем к берегам Русским была для Великого Князя столь приятна, что он сам приглашал Чанслера в столицу свою, обещаясь доставить ему все возможные удобности в пути, если столь дальний переезд покажется для него тягостным, и снабдить его деньгами, если оные нужны ему. Почему приказал везде давать подводы и Чанслеру и товарищам его. Русские все сие исполняли с такою охотою, что многие спорили между собою, кто из них должен запрягать в сани лошадей; ибо каждому из них хотелось, по повелению Великого Князя, везти наших. Наконец, после многих трудностей, необходимо сопряженных с столь дальным путешествием, Чанслер прибыл в Москву, столичный город Московии, о коей, равно как и о других замечательных Московских городах и о самом Русском Царе (Caesare), будем говорить мы вскоре.

Текст воспроизведен по изданию: Первое путешествие англичан в Россию // Отечественные записки, Часть 27. № 77. 1826

Часть 2

О Московии называющейся и Россиею

Московия, называющаяся и Белою Россиею, есть земля весьма обширная; а потому она граничит с различными народами. С юга и востока окружают ее

Татары; с севера берега ея омывает Скифское море; на западной стороне живут Лапландцы – народ дикой и по своему языку никому неизвестный. За ними к югу обитают Шведы, потом Финляндцы, подле них Лифляндцы, а подле сих Литовцы. Московия орошается весьма многими и большими реками, и во многих местах болотиста. Знатнейшие из рек суть – Ра, Танаис и Борисфен, из коих первую Москвитяне называют на своем язык Волгою, вторую Дунаем, а третию Непром (Днепром). Ра и Борисфен выходят из одного озера и протекают неизмеримое пространство. Первая, принимая в себя многия реки обворожающие зрение своими прилестными, живописными берегами, и почти с самого начала своего имея быстрое течение, направленное к востоку, после разных извилин, уклонений и оборотов наконец вливает воды свои многими устьями в Каспийское море.

Танаис в начале своем есть весьма незначительный источник; но от самого исходища своего беспрестанно возрастая и увеличиваясь, наконец впадает в большое озеро; потом из широкой опять став узкою, после нескольких миль, снова впадает в озеро, называющееся Иван, из коего вышед, течет извилистым путем и сближается с Волгою. Но вдруг уклонясь от сего спутника своего в противоположную сторону, идет на полдень и впадает в Меотийское озеро (Азовское море).

Борисфен, выходящий, как сказали мы, из одного источника с Ра, течет на юг, принимая в себя множество побочных рек. Протекши весьма многия страны занимаемые различными народами, наконец впадает в Понт Эвксинский (Черное море).

В Московии находится также много озер и болот. В озерах даже и без солнечного света (deciduo siderum semine – в зимнее время, когда озера покрыты льдом и солнечный свет не проницает в оные)? родится рыба. Между ними занимает главное место Белое озеро, которое сверх сего достопримечательно еще и потому, что при оном выстроен весьма крепкой замок, в который Великий Князь Московский отсылает для хранения сокровища свои, когда война угрожает ему опасностию.

Что касается до Рифейских (Уральских) гор, то оне покрыты вечным снегом, от чего всегда белеют, как седый Гигант. Древние все уверены были, что река Дон вытекает из сих гор, и мечтали, что в сих ущелинах живут все чудовища и страшилища природы, порожденные пламенным воображением Греков. Но соотечественники наши, недавно возвратившиеся из Московии, и имевшие случай часто разговаривать с Московитянами, ничего не слыхали о сем. Земля в Московии ровная и состоит большею частию из степей; высоких гор там мало. Северная полоса ея покрыта на неизмеримое пространство большими и густыми лесами, преимущественно же сосновыми, из коего Московитяне строят свои домы. Во мраке их скрывается чрезвычайное множество всякого рода северных зверей, как то: буйволов, медведей, черных волков и лисиц и невиданных у нас зверей, которых называют Московитяне россомахами. Последния имеют редкую и удивительную сметливость и догадливость: ибо когда им нужно бывает родить, то оне ищут таких двух дерев, между коими бы находился самой малой промежуток; нашедши таковые, проходят между ими, и чрез то освобождаются от бремени своего, от коего не иначе, могут освободиться оне, как сим только способом. Буйволов Московитяне ловят на лошадях, а медведей пешие, рогатинами. На северной полосе холод бывает столь велик, что из сырых дров, лежащих у домов, вытекающая влага превращается в льдяные сосульки. На столь великом пространстве, какое занимает Россия, климат столь разнообразен, что в одно и тоже время в одном месте бывает непомерный жар, а в другом непомерная стужа; с наступлением зимы, мороз в Московии беспрестанно увеличивается и не прежде начнет уменьшаться, как после равноденствия, когда солнце обратит животворные лучи свои на наше полушарие и теплотою своею начнет согревать хладную природу нашу: с сего времени и снег и лед начинает у них мало помалу таять. Матросы наши, оставшиеся на корабле, выходя из кают на палубу, часто были поражаемы такою простудою, что тот же час замертво падали на земь. Так у них жесток климат! На юге он гораздо теплее и благораствореннее.

О Москве, столичном городе Московии

Теперь остается нам, по обещанию нашему, поговорить поподробнее о Москве, столичном городе Московии и Великом Князе Московском; ибо он правит самою обширнейшею Империею и владеет несчетными сокровищами,

а Москва есть первейший город из всех Московских городов. Величиною своею равняется она Лондону с предместьями. Зданий в ней много, но по изящности отделки своей они никак не могут сравниться с нашими. Очень много в ней и улиц, но оне расположены без порядка и не вымощены, как у нас, камнем. Домы у них деревянные и покрыты большею частию дранью. Между малым (oppidum) и большим (urbs) городом построен красивый и крепкий замок, называемый Кремлем, весь обнесенный каменною стеною, толщиною в 18 футов. Сверх того, с одной стороны огражден он глубоким рвом, а с другой омывается тихими струями реки Вологды (Uologda), текущей к Востоку и со всеми реками, соединяющимися с нею, впадает в Оку (Любопытно было бы знать, от чего Москва река, у Англичан, стала Вологдою? Случай довольно странной, ибо трудно согласиться, чтобы таковое переименование произошло по одной только ошибке. Жить в Москве три месяца, везде ходить, о всем распрашивать, иметь частые сношения и разговоры с жителями Московскими – и позабыть как называется главная в Москве река, – невозможно, тогда как о прочих, даже малых, подробностях говорят они почти везде верно. Изд.). Большой город лежит на северной стороне Кремля и отделяется от него только каменною стеною. В Кремле находится девять священных храмов, которые состоят под ведением монахов (coenobitarum). У них есть свой Папа (Патриарх и Митрополит) и многие другие Архиереи и Настоятели, кои почти век живут в Кремле. Дворец Великого Князя, есть четвероугольное, довольно низкое здание, отделки не весьма хорошей, и по блеску своему несравненно ниже дворцов наших. Окна малые, оконницы сделаны инде из стекол, а инде из слюды. Пышных, великолепных украшений, какия находятся в дворцах Принцев наших, во дворце Великого Князя нет. У стен везде приделаны лавки как в Царских палатах, так и в домах всех частных людей.

Спустя 12 дней по приезду наших в Москву, явился к ним Посол, приглашая их в Царския палаты. Англичане, соскучась долгим пребыванием своим в Москве, с неописанным удовольствием приняли приглашение сие. Итак тот же час отправились к Царю. Вошедши во дворец, они увидели достопочтенный Сигклит (coetum) из ста Царедворцев, одетых в златые одежды, простирающиеся до пят, и сидящих один подле другого. Потом они введены были в аудиенц-залу. Нельзя изъяснить, как блеск и велелепие Императора поразили взор наших! Русский Император сидел тогда на высоком блестящем троне, имея на главе блистательную златую корону, одеянный в златотканную порфиру, с отличным искуством сделанную

золотых дел мастерами, и держа в правой руке златой скипетр, украшенный драгоценными камнями. Сверх прочих, богатейших Царских украшений, на челе и на всем лице его сияло величие, соответствующее толикому достоинству и сану. По сторонам [93] подле его стояли Канцлер (Archigrammateus – Думный Дьяк?) и Тайный Советник (Silentiarius – Ближний Боярин?) одетые также в златые Царския одежды. Кругом его сидели на скамейках, в златых блистательных одеждах, сто пятьдесят сановитых Бояр (Patrum). Такое блистательное велелепие Русского Царя и его Бояр могло ли непоразить изумлением дух соотечественников наших? Но Чанселер спокойно поздравив, по обыковению, Его Царское Величество, подал ему грамоту Короля Эдуарда. По прочтении оной, Царь в коротких словах спросил о здоровье Короля, на что Англичане отвечали, что Его Королевское Величество находится в вожделенном здравии; ибо они полагали, что он жив и здоров. После сего, как наши поднесли Императору дары чрез Думного Дьяка, кои он подносил Государю с открытою головою, ибо прежде был с покрытою, Московский Царь отпустил Англичан, пригласив их в тот день к обеду. Пробывши около двух часов в спальне сановника, принимающего просьбы, подаваемые на высочайшее имя Государя, наконец наши чрез нарочного были позваны к столу. Будучи введены в золотую, как сами Московитяне называли, палату, хотя она не довольно была убрана, они увидели Русского Царя, седящего на высоком троне, облеченного в серебреные одежды и имеющего на главе уже другую корону. За столом посажены они были против Его. Среди Палаты стоял большой, четвероугольной, довольно высокой стол. На нем лежали одна на другой тарелки, чем выше, тем менее, так, что с самого низу до верху беспрестанно уменьшаясь составляли род пирамиды. Сверх того стол сей был украшен царскими сокровищами в таком множестве, что едва мог держать тяжесть оных; так, что не знаешь чему удивляться, – количеству ли металла, или драгоценности оного. Ибо большая часть всякого рода сосудов и бокалов сделана была из самого чистейшего золота: особенно четыре чаши (ollae) и по своей огромности и по своему великолепию составляли отличную красу всех прочих сосудов; ибо оне были столь велики, что в высоту простирались до пяти футов. Были также и золотые бочки, величиною своею не много различествующие от наших малых, в коих преимущественно хранятся напитки для Великого Князя. Надобно ли исчислять подробно кубки, чашки, умывальницы, рукомойники, кружки, бутылки, кувшины и прочие приборы Царского великолепия? Они безчисленны. За четырьмя столами, поставленными отдельно по сторонам столовой, на возвышении из трех ступеней, и накрытыми самыми чистыми скатертьми, сидели почетнейшие гости в одеждах, подбитых драгоценнейшими мехами с

полотенцами в руках (linntheati). Когда Великий Князь брал ножик или хлеб, то наперед ограждал себя крестным знамением. Приближеннейшие к нему и участвующие в советах его, сидели за одним с ним столом, только несколько поодаль. За столом Великого Князя стояли кравчие (pocillatores) с самыми тонкими полотенцами, повешенными чрез плечо, держа в руках бокалы, унизанные жемчугом.

Пред обедом, когда у Великого Князя давался почетный стол, Император по старинному обыкновению Московских Князей, принятому от предков, каждого гостя жаловал хлебом чрез особенного сановника, который поднося оный гостю, громко произносил титул Императора следующим образом: Великий Князь Московский и Великий Император Русский, Иван Васильевич жалует тебя (называя его по имени) сим хлебом. При сем все гости вставали и низко поклонившись, опять садились. По разнесении хлеба, жалуемого Великим Князем, вошел комнатный Стольник (Atriarius), в сопровождении многочисленной толпы прислужников, определенных для разнесения кушанья (dapiferorum – чашников?), и сделав приветствие Великому Князю, поставил на стол лебедя, на золотом блюде, потом опять взял его и отдал тафельдекерю (structori) с семью товарищами его, для разрезания на части. За сим все они, подошедши к столу с такою же торжественною пышностию, разошлись по гостям для служения им. В сие время и сам комнатный Стольник будучи пожалован хлебом, прикушал оный и отдав честь Великому Князю, тотчас ушёл. В каком же порядке подавались прочия кушанья, о том наши ничего не могут сказать достоверного; ибо оне подаваемы были смешанно и без порядка. Достоверно известно только то, что весь прибор, на коем были подаваемы все кушанья и питья ста персонам, приглашенным к столу, был сделан из самого чистейшего золота На самых столах столько наставлено было золотых сосудов, что для некоторых не было уже и места на них. Нельзя умолчать и о том, что сто сорок человек служителей, бывшие при столе и одетые в золотые одежды, три раза переменяли оные в продолжение пира. И они также, как и прочие, были жалованы от Императора хлебом и питьем. Наконец, по окончании обеда и по принесении свеч, ибо тогда была уже ночь, Царь всех гостей и приближенных к нему называл по имени, так, что нельзя неудивляться, как человек, столько занятый делами, мог упомнить столь многия и различные имена и прозванья. Царь же для того, как сказывают Московитяне, жалует Бояр своих хлебом, и для того называет их по-имянно, дабы дать знать, кого он разумеет с хорошей стороны, и кто лишился его милости и расположения.

О военном искустве Московитян

Когда обиды, причиненные каким либо иностранным государством пограничным областям Русским, заставляют Московского Царя вооружиться против онаго: то он может выставить против неприятеля войска не менее девятисот тысяч человек. Из числа их ведет с собою на сражение около трехсот тысяч человек, а прочее набранное войско размещает по крепостям и другим приличным местам, для охранения и обороны государства своего. В военную службу у Московитян не берут ни иностранцев, ни купцов. Ибо в Московии столь много народу, что и без них сия многолюдная земля весьма легко может обойтитися в военное время, с избытком довольствуясь одним только цветом юношества. Отправляющиеся на войну содержат себя на собственном иждивении. Пешие Русские никогда не сражаются, ибо все отправляются на войну на лошадях. Оружие у них суть: броня и шлем. Броня сверху покрывается золотом, или шелковою материею, даже и у простых солдат; ибо они любят показывать свое богатство и свой достаток большими издержками. Употребляют лук и стрелы подобно Турками, также берут на войну копья. Сражаясь, ноги свои держат в стременах, также как и Турки. Они с таким мужеством и терпением переносят все суровости жесточайшаго холода, что это превышает всякое вероятие; равно и пищу употребляют они самую умеренную и простую. Ибо тогда, как земля покрыта глубоким снегом, и от ужасной стужи превратилась как бы в камень, Московитяне, развесив свой верхний кафтан (sagum) на колья, или на ветви дерев, с той стороны, с коей дует ветер и идет снег, разкладывают небольшой огонь, и отворотившись от ветра, лежат подле оного. Таким образом у них кафтан служит и вместо кровли и вместо стен, словом, заменяет все. Сии жители снегов, почерпнувши воды из реки, покрытой льдом, и положив в нее толокна, едят это со всею приятностию и со всем удовольствием. Наевшись до сыта сей саламаты, как бы самого лучшего кушанья, они ложатся подле огня, засыпают и во время крепкого сна своего обжигают у себя бока на замерзлой земле. Земля у них служит вместо перины, а полено или камень вместо подушки. Не лучший, в сравнении с хозяином, ест корм и верный товарищ его – конь. Московитяне смеются над женоподобною изнеженностию вождей наших, кои живя в климате несравненно умереннейшем, нежели у них, носят шубы и сапоги, подбитые мехом. И справедливо! Таков в Московии снаряд и запас у простых воинов. Но кто

занимает высшую степень достоинства, тот отправляется на войну с гораздо большим достатком и изобилием во всем; а у самаго Императора весь снаряд, даже и в сие время, крайне пышен и великолепен. Ибо палатка его сделана из золотой материи, вышита различными прекрасными узорами и унизана жемчугом. Когда начинается сражение с неприятелем, то воины бегут на поле битвы без всякого порядка. Ибо Московитяне не расставляют войска в строи, как делается у нас, но засев в приличных местах, быстро нападают на неприятеля. Лошади их легко обходятся без корму дня по два. На войне питаются оне, большею частию, древесною корою и молодым кустарником. Не редко месяца по два бодро и мужественно таковой недостаток переносят и конь и его всадник.

За храбрость, замеченную на войне, Великий Князь, награждает верных и мужественных сподвижников своих добычею, или поместием, на пропитание их с своими семействами. Впрочем, по смерти того, кому было подарено поместье, оно опять переходит Императору, если не осталось после него детей мужеского пола; ибо сколько бы ни было у него дочерей, но сие поместье Великий Князь отбирает себе, оставляя им из оного небольшую часть на приданое. Жалуемые поместьями обязаны, сверх того, содержать на войне на своем иждивении, в случае необходимости, столько солдат, сколько доход, получаемый с поместья, по Императорскому исчислению и определению может достаточно продовольствовать. На таких же правах владеют жалованными поместьями и те, коим по наследству достались оные. Ибо если по смерти их неосталось детей мужеского пола, то поместья опять поступают в казну Императора. Сверх сего, если придворные донесут Государю о каком-либо богатом помещике, что он неспособен к военной службе, по каким-либо причинам, а владеет большими поместьями коими моглиб пользоваться многие заслуженные люди, знатного происхождения, искусные в военном деле и с успехом могущие служить Государю на поле брани; то таковой несчастливец немедленно, в одну минуту лишается почти всего имения, которое он во всю свою жизнь с толикими трудами и толиким потом старался приобресть; на пропитание же его с семейством и домашними оставляет за ним Государь только некоторую частицу оного. И народ Русской все таковые повеления Императора своего исполняет с такою покорностью, с такою готовностию, что невольно подумаешь, что он чужое возвращает, а не свое отдает в чужия руки. Из дворян, Бояр и вельмож, посвятивших себя ратному делу, всякой уверен, что он тем в большей милости и в большем расположении находится у Государя своего, чем чаще

посылает он его в поход, хотя он служит Царю без всякого жалованья, на собственном иждивении своем.

О Послах Великого Князя Московского

С неменьшим великолепием, и пышностию отправляет Великий Князь Московский и Послов своих, по разным делам, к иностранным Государям. В то время, как наши были в Москве, он отправлял двух таковых Послов к Польскому Королю, коих во весь путь, от выступления из Москвы до самой столицы Польской, сопровождали тысяча пятьсот всадников, в весьма дорогом уборе, ибо большая часть из них была одета в золотые и шелковые одежды, а чапраки у лошадей их были покрыты золотом и серебром, и отлично вышиты ими. Сверх того, при них было сто белых, прекраснейших лошадей, на коих, соскучась в пути, садились они, если хотели того. Но теперь время вкратце поговорить и о других Московских городах и торговле, коею они преимущественно занимаются и отличаются.

Новгород

После Москвы, первое место занимает славнейший и знаменитейший из Русских городов, Великий Новгород, который хотя по своему достоинству и ниже оной, но по величине своей гораздо более (Следственно Новгород в то время был гораздо более Лондона и с предместиями). Он есть самый первый, знаменитейший и отличнейший торговый город всей Империи; ибо хотя Великий Князь Русский имеет пребывание свое в Москве; но выгодное течение реки, проходящей чрез Новгород и впадающей в Сарматское море, делает его, по стечению купцов, славнее самой столицы. Главная торговля производится в нем льном и коноплем, которых родится здесь чрезвычайное множество и самой лучшей доброты, так, что в сем отношении Новгород имеет первенство пред всеми Русскими городами. Продают в нем также кожи, мед и воск. Фландрские купцы завели было здесь свою Контору; но по неверности своей в выполнении условий, чем ныне отличаются они у нас, прав своих лишились, о восстановлении коих, в бытность наших в Москве,

усильно просили они Великого Князя. Ибо услышав о прибытии наших в Россию и в самую даже Москву, они послали к нему прозьбу, осыпая их различными, безчисленными клеветами и называя морскими разбойниками; почему и советовали Императору задержать их и заключить в оковы. Услышав о сем наши, были приведены в крайний страх, отчаясь когда-либо возвратиться в отечество свое. Но Пресветлейший Государь, утверждаясь на Королевской грамоте, ни сколько не поверил ложным писаниям сих клеветников.

Ярославль

Ярославль славится кожами, салом и хлебом, которого родится там весьма много. Продают в нем и воск, хотя в других местах находится его гораздо более. Город сей отстоит от столицы на двести верст. На всем пространстве между им и Москвою находится весьма много очень больших и населеннейших слобод и деревень; а поля покрыты хлебом, которого столько привозят в Москву, что в иное утро можно увидеть до семи и осьми сот саней, едущих с разных сторон как с ним, так с соленым мясом и соленою рыбой. Из северных областей России приезжают в Москву за хлебом верст за тысячу и увозят оный на санях; ибо в оных холод бывает столь жестокой, что посеянной хлеб или вовсе неродится, или несозревает. В замен оного, привозят оттуда в Москву солонину, меха и кожи.

Вологда

В Вологде, отстоящей, от Москвы за пятьсот пятдесят верст, главный торг производится салом и льном, хотя лен, как сказали мы, в большем количестве и лучшей доброты продается в Новгороде.

Псков

В Псков купцы приезжают за медом и воском, по причине особенной здесь доброты их.

Холмогоры

Из северных стран России привозятся редкия и дорогия меха, особенно соболей, требуемые госпожам нашими, для шей. Оттуда же привозят меха куньи (martiales), лисьи – белые, черные и красные, заячьи, беличьи и другия, называемые на языке тамошних жителей беверовыми, минговыми и миниверовыми (beveres, mingas, miniveras). В Ледовитом море, омывающем берега сих хладных стран Московии, родятся звери, называемые моржами, которые, посредством клыков своих взлезая на скалы, достают там для себя пищу. Россияне ловят их для клыков, на которые у них бывает очень большой расход, такой же, какой у нас на слоновую кость. Товары сии привозятся на оленях в небольшой городок, называемый Лампас (? – Lampas); потом купцы приезжают в город Холмогоры, в коем в зимнее время бывают знаменитейшие торги оными товарами. В сей город со всех сторон много привозят для той стороны соли, соленого мяса и соленой рыбы. Из северных областей привозят также масло, называемое на тамошнем языке Траин (Train – травяное, льняное?), делаемое преимущественно на реке Уне, ибо оно делается и в иных местах. Здесь варят также из морской воды соль.

О Московитянах идолопоклонниках, смежных с Татарами

В областях, смежных с Татарами, живут Московитяне идолопоклонники, обожающие весьма славный у них идол, известный под именем золотой телицы (uitulae, uetulae, Бабы?). Когда угрожает им какое либо большое несчастие, как то: голод, война, моровая язва и проч., то они тотчас прибегают к оному и советуются с ним, следующим образом. Повергшись пред истуканом, сперва приносят ему свои мольбы; потом ставят по средине барабан, который избранные по жеребью окружают и кладут на него золотую

лягушку. После сего бьют по барабану палкою, и к кому упадет лягушка, того немедленно убивают до смерти 2. Умерщвленный, неизвестно каким очарованием идола, оживши, изъясняет причины постигших бедствий. Умилостивя таким образом идола, они разходятся по домам, в надежде скоро избавиться от общего несчастия.

Об одеянии простого народа в Московии

Верхнее платье у простого народа большею частию льняное. Шапки носят высокия, поставляя в том особенное благородство и отличие; ибо чем у кого длиннее и выше шапка, тем тот знаменитее и славнее вообще почитается.

Заключение

Вот что, Всемилостивейший Государь, рассказали подданные ваши, Англичане, возвратясь из Московии. Если будет Высочайшее соизволение Вашего Величества и Ея Величества Королевы, Супруги Вашей на то, что бы они предприняли туда новое путешествие; то нет сомнения, что они откроют весь Восток; и Ваше Величество, подобно предками своим, открывшим западные страны, изволите проникнуть в ту часть Света, которая была известна только двум неподражаемым героям, какие только были от сотворения мира – Державнейшему Родителю Вашему и Александру Великому.

Текст воспроизведен по изданию: Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, Королю Английскому // Отечественные записки, Часть 28. № 78. 1826